

Д. С. Лихачев

ПРОТИВ ДИЛЕТАНТИЗМА В ИЗУЧЕНИИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Памятник литературы, как и всякий памятник культуры и истории, нуждается в охране, в защите его текста. И чем древнее он — тем эта защита необходимее. Всякого рода эксперименты над текстами памятников национального значения должны вестись с величайшей осторожностью и ответственностью. Особенно, конечно, если это «Слово о полку Игореве»...

Одно дело толкования, объяснения при сохранении текста как такового, другое дело — перестановки, отмены кусков текста, безосновательные поправки, исправления, разрушения самого содержания памятника, его ритмики, даже поэтики. С моей точки зрения, это ничуть не лучше безосновательных передатировок памятника. Перенесение «Слова о полку Игореве» из XII в. в какой-то другой, например в XVIII в., разрушает смысл, содержание памятника, но при этом все же сохраняется текст «Слова» как цельного, единого и художественного произведения. Иное дело — объявить «Слово» радикально испорченным осколком чего-то неизвестного, но более совершенного.

В серии очерков писателя А. Никитина, напечатанных в журнале «Новый мир»,¹ «Слово о полку Игореве» подвергается висекциям, ампутированию отдельных частей, расслоению. Отдельные места и весь памятник в целом объявляются плохо скроенными из разновременных частей. Этот вывод делается с необычайной легкостью и апломбом. На неосведомленных читателей очерки А. Никитина несомненно могут произвести некоторое впечатление. Особенно мне обидно за многочисленных преподавателей вузов или учителей литературы в средней школе. Что им говорить о «Слове», если они поверят в «ученость» и хотя бы

¹ *Никитин А.* Испытание «Словом...». — *Новый мир*, 1984, № 5, с. 182—206; № 6, с. 211—226; № 7, с. 176—208. (Далее ссылки на номера журналов и страницы — в тексте).

Частичную правоту А. Никитина? А ведь журнал «Новый мир» — один из самых авторитетных и читаемых в нашей стране.

Жанр, в котором написана серия очерков А. Никитина «Испытание „Словом“», не нов, а в последнее время он даже моден: научный детектив. Но так как детективную интригу легче всего построить на сюжете собственных поисков, открытий и якобы преодоленных мнимых заблуждений, то этим, очевидно, можно объяснить своеобразный «автобиографизм» очерков. Однако этот жанр «научного полудетектива» или «детективной полунауки» очень труден для того, чтобы разобраться в авторской аргументации, — в силу смешанности рациональных доказательств и иррациональных, а также эмоциональных мемуарного характера заметок. К тому же избранный автором жанр вынуждает его к многословию и недоговоренностям.

Между тем хорошо известно: краткость и деловитость — вежливость ученого, а доказательность — необходимое условие научной работы. Не писал же Ньютон о том, каким образом и при каких обстоятельствах был им открыт закон земного тяготения. История с яблоком, упавшим на него в саду и подавшим ему тем самым мысль о законе тяготения, — не более, чем позднейшая легенда. Открытия доказываются, а не описываются, к тому же со столь большими автобиографическими отступлениями. Таинственная история с Бояном, вскрытая при особых личных обстоятельствах, являющаяся научным центром очерков А. Никитина, может по первому впечатлению показаться в такой детективной форме занимательной и в силу этой занимательности убедительной, но только малоосведомленному в древней литературе читателю! На самом деле мы имеем дело с имитацией научных аргументов и не более.

Первый же очерк А. Никитин начинает с описания раздражения некоего «академика» против концепции Л. Н. Гумилева. Это раздражение якобы было вызвано резкими выражениями А. Никитина по адресу Л. Н. Гумилева. Тем самым А. Никитин стремится, очевидно, оправдать собственные резкости и в этих своих очерках — дескать, они просто «неакадемичны». Но дело в том, что за резкими выражениями в данном случае скрывается не «неакадемичность», а неуважение почти ко всей предшествующей А. Никитину науке — академической и неакадемической, литературоведческой, филологической и исторической. Все охаивать и в то же время предаваться самодовольным рассказам о том, как он дошел до своих «открытий», начиная от первых признаков «прозрения собственного невежества» (5, 187) и придавая значение и предполагая интерес читателей даже к той погоде, при которой он предавался своим размышлениям, но не развертывая ни доказываемых тезисов, ни доказательств этих тезисов, — это метод сокрытия от читателя точного изложения концепции и подлинной аргументации.

Многословность и непроясненность концепции А. Никитина возникает не только из-за избранного им научно-автобиографиче-

ски-детективного жанра, но и из-за привлечения к очеркам посторонних, не идущих к делу проблем.

Ну вот, в частности, такой вопрос: почему в первом из очерков такое внимание уделяется мусин-пушкинскому изданию «Русской Правды» 1792 г.? А. Никитин пишет: «Можно было бы взять для сравнения печатного текста («Слова о полку Игореве». — Д. Л.) с оригиналом „Духовную...“, или, как ее теперь именуют, „Поучение“ (Владимира Мономаха. — Д. Л.). Но с „Поучением“ противники графа (А. И. Мусин-Пушкина. — Д. Л.) почему-то молчали...» (5, 199). Вот именно — «почему-то»! А. Никитин не заметил, что издание «Поучения» было уже подробно и тщательно сравнено с изданием «Слова» по всем статьям и благодаря этому выявлены многочисленные сходные приемы издания, позволившие объяснить многие особенности печатного текста «Слова» 1800 г. Мое подробное исследование на этот счет дважды печаталось, а в монографии Л. А. Дмитриева о первом издании «Слова», которую А. Никитин называет «великолепной» (5, 199), прямо говорится, что он (Л. А. Дмитриев) сам не производит сличения именно этих двух изданий А. И. Мусина-Пушкина, так как это уже сделано мною.²

Но дело еще и в том, что мемуарные жанры служат иногда не только для того, чтобы что-то сообщить, рассказать, но и для того, чтобы что-то скрыть и не договорить. Такова, например, история с нападками А. Никитина на крупнейшего советского источниковеда С. Н. Валка. А дело очень просто. Когда в 1973 г. вышла статья А. Никитина в журнале «Вопросы истории» о «Русской Правде», то С. Н. Валк решительно и справедливо возразил А. Никитину, доказав и показав, во-первых, его незнание с литературой вопроса, а во-вторых, его неправильный подход к методике текстологии. Ответ С. Н. Валка, напечатанный в Трудах Отдела древнерусской литературы, т. XXX (1976 г., ответственный редактор Д. Лихачев), А. Никитин не упомянул, но кое-что из него учел, чтобы показать знакомство с литературой вопроса, в незнании которой упрекал его С. Н. Валк. Как бы то ни было, отплатить покойному С. Н. Валку А. Никитину не удалось, а читателя огромный пассаж (более половины печатного листа — 7 страниц петитом) об издании «Русской Правды» 1792 г. несказанно затруднил, так как никакого отношения к вопросу о первом издании «Слова» он не имеет. А. Никитин хотел показать, что приемы издания «Русской Правды» могут что-то объяснить в первом издании «Слова о полку Игореве». Однако «Русская Правда» 1792 г. была изданием совершенно другого типа текста, выполненным другими лицами, не принимавшими участия в издании «Слова» А. И. Мусина-Пушкина (И. Н. Болтинным, ко времени издания «Слова» скончавшимся), и по другим принципам (даже другим алфавитом — церковно-славянским,

² См.: Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследование. М.; Л., 1960, с. 5.

тогда как «Слово» было издано в 1800 г. — гражданским). Прямое отношение к мусип-пушкинскому изданию «Слова», как я уже сказал, имеет только его же, А. И. Мусина-Пушкина, издание «Духовной» (т. е. «Поучения») Владимира Мономаха.

Однако благодаря посторонней вставке наукообразных рассуждений о «Русской Правде» у читателя может создаться представление об учености автора, тем большей, чем меньше читатель понимает текст А. Никитина... А истинная цель — обесславить С. Н. Валка в глазах широкого читателя — тщательно спрятана, и на незнающего скрытого существа полемики выпады против замечательного ученого могут все же произвести некоторое впечатление.

Явно, чтобы заинтересовать и заинтриговать читателя, А. Никитин видит повсюду — и в летописях, и в «Слове» — загадки, непонятности, противоречия, неясности, возможные пропуски, ошибки и пр. Он воскрешает давным-давно оставленные в науке сомнения, вопросы — лишь бы усилить «загадочность» «Слова». Добро бы это способствовало какому-то новому объяснению текста, но происходит обратное: текст еще больше запутывается, сомнения растут, происходит разрушение текста памятника, и у читателя вообще появляется общее недоверие к нему.

Текст «Слова» кажется А. Никитину порой «нагромождением фраз, плохо связанных между собой смыслом» (5, 185). «Слово», по мнению А. Никитина, «растеряло многие свои части» (7, 105), и в нем наличествуют «заимствования, темные места, отступления, пропуски, умолчания, реминисценции», «которые воспринимаются так же, как бесконечные шрамы, заплаты, пристройки чуланов, башенок, сторожек, галерей и притворов, скрывающие от нашего взгляда древний храм и превращающие его в конгломерат загадок» (6, 212).

А вот еще суждения А. Никитина о языке «Слова»: ему (А. Никитину. — Д. Л.) «мешала и явственная двуязычность: древний текст, хранивший все признаки благородной патины прошедших столетий, сменялся современной (?) русской речью без каких-либо признаков старины. Право, тут можно было потерять голову» (5, 185). Вот именно!

Чрезвычайная многоречивость автора мешает точному воспроизведению его концепции. Все же попытаюсь изложить концепцию А. Никитина так, как я ее и, смею заверить, большинство читателей понимают. Изложение это необходимо, чтобы стала ясной ее слабость и неаргументированность. Иного способа возражать А. Никитину я не вижу. Постараюсь добросовестно понять запутанное изложение А. Никитина.

Итак, согласно концепции А. Никитина, в «Слове» есть много непонятностей, переходов языковых, переходов сюжетных. Почему-то отсутствуют события предшествующих походу лет — всего XII в., автор «Слова» неоправданно обращается только к событиям и князьям XI в. и предшествующего времени.

Все это некрасиво, нехорошо, нелогично. «Слово» — гениальный памятник, но только какими-то проблесками.

Объяснение всем этим «непоследовательностям» в том, что в «Слове» спрятано другое произведение.

Именно якобы из-за этих «непоследовательностей» и возникли сомнения в подлинности «Слова». В «Слове» же использовано гениальное произведение гениального певца XI в. — Бояна, воспевавшего Святослава Ярославича и его сыновей, сведения о которых вычеркивались из летописей и заменялись в летописи ради заполнения образовавшихся «пустот» своего рода «упаковочным материалом» (который, кстати, так ценят историки культуры древней Руси).

Сам увлекшись созданием развлекательного произведения, А. Никитин даже в работе летописца видит порой ту же цель — «развлекать». Так, он предполагает, что летописец Всеволода Ярославича, изъяв текст о княжении Изяслава и Святослава, заполнил образовавшееся окно «развлекательным (разрядка моя. — Д. Л.) материалом: рассказами о чудесных знамениях, о волхвах, их обманах, о „прельщении бесовском“, преставлении Феодосия, игумена печерского, а вместе с тем и о черноризцах Киево-печерского монастыря» (7, 181). Любопытное представление о работе летописца и вообще о древнерусской литературе XI—XIII вв., в частности, как известно, не знавшей чистой развлекательности.

Кое-какие отрывки из «стихов» Бояна, скрытые в «Слове», А. Никитин приводит в конце своей третьей статьи.

Итак, «Слово» — не более чем компиляция гениальных (пусть так) отрывков предшествующего времени с добавлением собственных кусков автора. В результате в «Слове» множество не последовательностей и нелогичностей.

Вот чем мы, оказывается, восхищались!

Далее как обоснование его концепции идут парадоксальные исторические выводы: и не только исторические, но и по истории древней русской литературы, по истории русского языка, по истории изучения «Слова» и т. д.

Оказывается, Владимир Мономах как историческая личность ничего не стоит. Владимир Мономах — это ничтожество на великокняжеском троне. А истинный крупный исторический деятель — Святослав Ярославич. Его и его сыновей воспел Боян. При этом «Боян был не просто сторонником Святославичей, а тьмуроканским или черниговским поэтом именно Святослава Ярославича, оставшимся на службе у его сыновей» (6, 219). Он их воспевал, а фальсификатор истории Владимир Мономах приказывал исказить летописные тексты, вычеркивая все данные о Святославе Ярославиче и о его сыновьях.

Боян пел славу Святославу Ярославичу и святославичам, и вот теперь в «Слове о полку Игореве» скрыты остатки этих произведений Бояна. Один Святослав (Святослав Ярославич) подменен другим (Святославом Всеволодовичем) и пр.

Песни Бояна сами подверглись цензурованию (как это осуществлялось? — Д. Л.), и отрывки из них использованы при описании событий 1185 г. «... только так можно объяснить и цитаты из Бояна, и сведения о людях и событиях XI века, и тот ничем не объяснимый разрыв в „Слове...“ между 1078 и 1185 годами, если не принимать в расчет смутное и до конца не понятное упоминание об юнгоше князе Ростиславе, падающее на 1093 год» (6, 221).

Так кажется А. Никитину. Но разве он не знает принятого в науке о «Слове» объяснения, что обращение к дедам, а не к отцам, т. е. разрыв в исторических упоминаниях, падающий на время отцов, объясняется тем, что именно деды считались родоначальниками политики внуков? Раз речь идет об ольговичах, то естественно, что по законам исторических представлений древней Руси их политика продолжает и объясняется политикой их родоначальника Олега Святославича (Гориславича). А раз речь идет о всеславичах, то, конечно, мысль автора «Слова» обращается к их родоначальнику — Всеславу Полоцкому. Ведь и в летописи постоянно упоминаются родоначальники, деды, а внуки носят даже название по родоначальникам: «ольговичи», «ярославичи», «мономаховичи», «всеславичи», «рогволодовичи» и т. д. Обо всем этом писалось и писалось...

Совершенно ложны представления А. Никитина и об истории изучения «Слова». А. Никитин считает, что первоначально, в XIX в., творчество Бояна оценивалось достаточно высоко и «Слово» якобы считалось произведением народной словесности. А. Никитин пишет: «Настойчивые попытки представить „Слово“ произведением устной народной словесности были отвергнуты совместными усилиями скептиков и защитников древнерусской поэмы» (6, 221). Но когда именно «Слово» считалось произведением устной словесности? Отдельные аналогии, заимствования из фольклора в «Слове» постоянно находились, начиная с исследований М. Максимовича, и находятся сейчас, но никаких «настойчивых попыток» объявить «Слово» целиком фольклорным не существовало. Впрочем, за исключением одного-единственного случая. В Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена накануне Великой Отечественной войны А. И. Никифоров, специалист по народной словесности, защищал диссертацию на тему «„Слово о полку Игореве“ — былина XII века». Ему была даже присуждена ученая степень доктора единогласно, но... ни один из оппонентов и ни один из присутствующих в зале заседаний ученого совета с А. И. Никифоровым не согласился, хотя А. И. Никифоров, исчерпав на защите все научные аргументы, громко запел «Слово о полку Игореве» на один из былинных напевов. Докторская степень была присуждена А. И. Никифорову за исключительное трудолюбие и проявленную эрудицию только. Правым он признан не был. Этим и исчерпались все «настойчивые попытки» объявить «Слово» произведением устной народной словесности.

Что же касается до популярности Бояна в начале XIX в., то она объясняется тем, что в Бояне увидели русского Оссиана, а оссианизм был тогда, как известно, в большой моде. Забыт Боян никогда не был.

В пылу своих разоблачений А. Никитин доходит до отрицания вообще древней литературы домонгольского периода.

«Где же она, эта литература? — спрашивает А. Никитин. — Разве не странно, что из всего количества произведений, которые можно возвести ко времени домонгольскому, кроме „Слова о полку Игореве“, все так или иначе несет на себе религиозную окраску? Мы читаем летопись — и почти сразу же натываемся на цитаты из церковной литературы и благочестивые рассуждения; раскрываем „Слово“ Даниила Заточника — и находим там собрание изречений, в том числе из Библии и Псалтири...» (6, 216). Наличие «религиозной окраски» в произведениях литературы домонгольского периода отнюдь не означает, что литературы не было вообще. В этой связи уместно напомнить А. Никитину слова Ф. Энгельса о роли религии в то время. В статье «Крестьянская война в Германии» Ф. Энгельс писал, что в эпоху средневековья «во всех областях умственной деятельности» мы видим «господство богословия», что было «необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя».³

Совершенно фантастически представляет себе А. Никитин мнения ученых о языке «Слова»: «С поразительным согласием, редким для представителей разных и в чем-то соперничающих областей науки, историки и филологи указывали не на XII, а на XI век, куда влекли их определенные признаки, сохранившиеся в тексте „Слова...“. Наиболее близкие параллели лексике „Слова...“ они опять-таки находили в памятниках не XII, а XI века — в „Правде Русской“, в „Поучении“ Владимира Мономаха и в договорах Руси с греками. Над этим стоило подумать!» (6, 214). Однако никакого «согласия», тем более «поразительного», между учеными в этом вопросе нет и не было. И историки, и филологи (кстати, почему у А. Никитина такое настойчивое противопоставление одних другим?) гораздо чаще находили соответствия лексике «Слова» именно в XII и XIII вв. — в летописце Петра Бориславича, в Киевской летописи XII в., в Галицко-Волынском летописании, во Владимиро-Суздальской летописи XII—XIII вв., в «Слове о погибели Русской земли» и т. д. и т. п. (ср.: акад. А. С. Орлов, акад. Б. А. Рыбаков, Н. К. Гудзий, В. П. Адрианова-Перетц и пр.). Упомянув некоторых филологов, занимавшихся языком «Слова», А. Никитин пишет: «Главным в наблюдениях филологов было то, что русский язык, которым написано „Слова...“ и который неискушенному читателю представляется „новым“ (!? — Д. Л.) по своей бли-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 360—361.

зости к живому русскому языку, оказывался более древним, чем болгаризмы и церковнославянизмы, только производившие впечатление древности. Чистая русская речь лилась со страниц „Слова...“, пробиваясь, словно струйка животворного родничка, сквозь завалы камней велеречивой средневековой учености» (6, 213). Что это означает точно и разве со всем этим можно серьезно спорить? А. Никитин не только уверенно излагает научные точки зрения, но имеет совершенно несообразные представления о гуманитарных науках вообще, предполагая в них «соперничающие области», а не области, в которых ученые стремятся к одному — обнаружению единой истины. Он даже не предполагает, что филолог, чтобы быть хорошим филологом, должен быть одновременно и историком, а историк, имеющий дело с письменными документами, — филологом. Иначе — что стоят выводы каждого!

Опираясь на всю эту путаницу представлений и рассуждений, А. Никитин делает поразительное предположение (вернее — утверждение), что не дошедшее до нас произведение Бояна во славу сыновей Святослава Ярославича легло в основу «Слова о полку Игореве»: «Произведение Бояна как нельзя лучше подходило для целей автора „Слова...“. Его герои были тоже Святославичами, к тому же еще и родственниками — дедами — героев „Слова...“. Те и другие были связаны с половцами крепкими союзными и родственными узами, оба — Роман и Игорь — потерпели от них поражение. Поход, бой и поражение были канвой сюжетов обеих поэм. Даже возвращение из плена: ведь Олег Святославич бежал из Царьграда в 1083 году и вновь появился в Тьмутарокане! Это к нему относили „припевку Бояна“, переделанную автором „Слова...“ для Игоря: „Тяжко ти голове кроме плечю, зло ти телу кроме головы“. Но главное, что сыграло решающую роль в выборе, благодаря чему заурядная пограничная вылазка Игоря, окончившаяся к тому же поражением (читатель, оцените это «к тому же». — Д. Л.), оказалась сюжетом не только поэмы, но и достаточно обширных летописных рассказов, главным были солнечные затмения, предшествовавшие началу обоих походов. (Вот оно что — следовательно, и летописные рассказы XII в. о походе Игоря также сочинены лишь только поэтому! — Д. Л.). Одно из них произошло 1 июля 1079 года, благодаря чему мы знаем время выступления Романа, убитого 2 августа 1079 года, другое — 1 мая 1185 года, что подтверждает летописную дату похода Игоря Северского» (7, 183).⁴

И вот апофеоз гипотезы А. Никитина! Оказывается, в основе обеих поэм — и той, принадлежащей Бояну, которая послужила основой «Слову», и той, что на основе поэмы Бояна, т. е. «Слова о полку Игореве», — лежит воспевание героизма. Героизма и только. Но при этом какого? «Согласно представлениям той эпохи (откуда это А. Никитин знает? — Д. Л.) героизм обоих князей

⁴ О том, что представляло собой солнечное затмение 1079 г., не зафиксированное русскими летописями, см. на с. 205 наст. изд.

(героя Бояна — Романа, и героя «Слова о полку Игореве» — Игоря. — Д. Л.) заключался отнюдь не в опрометчивом выступлении с малыми силами против превосходящего по численности врага..., не в личной даже доблести, но в вызывающем пренебрежении небесным знаменем, недвусмысленно предрекавшим предпринятые походы на неудачу» (Разрядка моя. — Д. С.) (7, 183). Вот во что превращено идейное содержание «Слова» да и творчество Бояна, послужившее образцом для автора «Слова» тоже!

Нет уж! Если бы довелось мне выбирать между всеми скептиками на свете и А. Никитиным, я бы предпочел всех скептиков одному Никитину! Так уничтожить «Слово» никто еще не пытался! Скептики, хоть и переносили «Слово» в позднейшие эпохи, но по крайней мере не разрушали его текста и в какой-то мере сохраняли героический дух поэмы, не покрывая героизма его героя никакими солнечными затмениями.

Чтобы сгладить впечатление от своих «разоблачений» «Слова», А. Никитин заключает свою статью изъявлением восторгов перед «Словом» и уверениями читателей, что теперь скептики уже окончательно уничтожены и в «Слове» все ясно; раскрыто и взаимоотношение «Слова» с «Задонщиной», которая пользовалась отдельно от «Слова» произведением Бояна.

В конце третьего очерка А. Никитин изображает фрагментарность «Слова» почти как его достоинство, приводя аналогии из области крымского ландшафта. Но природный ландшафт — бессознательное явление природы, и его нельзя сравнивать с творением человека... Прочтите, например, описание природы восточного Крыма в конце третьего очерка. А. Никитин описывает, как из-под позднейших наслоений чернозема поднимаются более древние известняковые холмы. «Не так ли, — пишет А. Никитин, — произошло и со стихами Бояна, хранившимися в тексте „Слова“, чтобы, поднявшись из его глубин, прорвав пласты незнания, предвзятости, быть однажды замеченными не в чистоте первоизданности, а в заплатах поправок, изъянах толкований и пестрых пятнах догадок!» (7, 207). Вдумаемся в смысл этого сравнения. Стихи Бояна (кто, спросим, окончательно доказал, что в «Слове» есть стихи вообще?) «прорвались», и через что? Через наслоения авторов XII в.? Допустим. Но тогда причем слова о «предвзятости», «заплатах, поправках, изъянах толкований»? Тут явная логическая путаница — смешение открытого будто бы А. Никитиным слоя XII в. и восприятия этого слоя исследователями XIX и XX вв. Но исследователи просто не видели этого слоя, а воспринимали «Слово» в его художественной цельности. Не могу увидеть и я. Слои в «Слове», размыты текста, его разрушения и непоследовательности создает именно сам А. Никитин. По его воле мы должны конатся в «Слове», неясно представляя себе и «покрытые» «красными брызгами лишайников известняковые холмы» над стихами Бояна, и сами эти стихи. Что же нам читать в «Слове», непредвзятым его читателям? Где

точно границы этих особенно ценных А. Никитиным мертвых известняковых холмов среди малоценных цветущих трав? Единство памятника разрушено, монолитного текста нет, и только потому, что «непредвзятый» автор этих разрушений — А. Никитин просто не понял художественной системы средневековой Руси, объявил ее несуществующей.

Изменять текст «Слова», как и всякий художественный текст, нельзя на том лишь основании, что предлагаемое изменение лучше всех предлагавшихся учеными ранее. Необходимость любой перестановки в «Слове» должна быть доказана. Но в «Слове» есть несколько мест, которые не могут быть объяснены сколько-нибудь точно. Поэтому из переводов и толкований приходится выбирать то, которое наиболее нейтрально по отношению к художественной системе «Слова», изучать которую все еще нужно.

«Слово о полку Игореве» как художественный памятник нельзя рассматривать в свете наших собственных субъективных представлений о последовательности изложения событий, наших собственных представлений о красоте, хотя последние исследования и дают кое-что для понимания красоты памятника. В последнее время я неоднократно писал о художественной культуре и эстетических представлениях XII в. Пользуюсь возможностью, предоставляемой мне очерками А. Никитина, еще раз коротко сказать о художественной природе «Слова», очевидным образом им не учитываемой.

* * *

Очень жаль, что А. Никитин, объявляя себя историком и археологом, с таким пренебрежением относится к литературоведам и филологам. Хороший историк, обращаясь к литературному памятнику, обязан быть литературоведом, как и, имея дело со словесным памятником, — филологом. Так же точно литературовед и филолог во всех случаях обязан быть историком. Наука едина, истина для всех одна.

И если бы А. Никитин обратился к работам литературоведов без всяких предубеждений, то убедился бы, что многие из предполагаемых им «загадок» «Слова» носят мнимый характер и рассеиваются при широком подходе к «Слову» как художественному произведению.

В домонгольский период господствовал в литературе и в других искусствах стиль монументального историзма. Для этого стиля была характерна «эстетика дистанций» — пространственных и исторических. Чтобы быть художественно ценным, любое явление в произведении искусства должно было быть представлено в громадной перспективе, с далекого расстояния — как бы с птичьего полета. Писатели обладали своего рода «ландшафтным зрением». В летописях этого времени сопрягались различные географические точки. Изложение событий перекидывалось из одного

княжества в другое, из города в город, и при этом всегда имелась в виду вся громадная перспектива русской истории: каждая летопись начиналась с «Повести временных лет» или с «Начального летописного свода». Ощущение громадности Русской земли характерно и для автобиографии Владимира Мономаха. Сознание огромных просторов типично даже для церковных слов Кирилла Туровского. Одну из своих проповедей Кирилл Туровский начинает так: «Неизмерьна небесная высота, ни испытана преисподняя глубина...». В широкую историческую перспективу вставляется похвала Ярославу Мудрому в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Летописцы и авторы похвальных слов окружают своих излюбленных героев всесветной славой. Границы, а вместе с тем и слава Русской земли в «Слове о гибели Русской земли» простираются «до угор (венгров. — Д. Л.) и до ляхов, до чахов, от чахов до ятвязи (одно из прибалтийских племен. — Д. Л.), и от ятвязи до литвы, до немецъ, от немецъ до корелы...». И так же широки исторические границы времени создания памятника — от Владимира и до князей нынешних. Можно было бы много перечислять примеров и широты видения, и глубоких исторических перспектив, и исторической памяти народа в этом периоде. Все это мною уже сделано и опубликовано.

«Слово о полку Игореве» при всех своих небольших размерах поражает своею монументальностью и исторической широтой. Героем «Слова» является вся Русская земля, и в повествование «Слова» втянуты огромные географические пространства и исторические эпохи. «Слово» охватывает землю от Тмуторокани на Черном море (нет и не может быть сомнений, что в «Слове» говорится о той Тмуторокани на Черном море, о которой повествует и летопись в XI в.!) до Новгорода на севере, от Волги на востоке до Галича на западе. Десятки городов, княжеств и рек захвачены действием «Слова» и создают его титанический фон: Половецкая степь («страна незнаемая»), «синее море», Дон, Донец, Волга, Дунай, Рось, Сула, Стугна, Немига... Обращаясь к русским князьям, автор имеет в виду не только их личную историю, но и их предшественников.

Согласно неизжитым еще в XII в. языческим представлениям, особая роль принадлежит при этом не столько отцам, сколько дедам, родоначальникам. По дедам характеризуются внуки. Вот почему в «Слове» такую большую роль играют обращения к биографическим фактам деда всеславичей Всеслава Полоцкого (Полоцкого, разумеется, а не нивесть какого «Половецкого») и деда ольговичей, к которым принадлежали главные герои «Слова», — Олега Святославича («Гориславича»). Пережитки древнерусского язычества в княжеской среде XII в., сказывающиеся и на политике князей, достаточно отчетливо выяснены в превосходной работе В. Л. Комаровича «Культ Рода и Земли в княжеской среде XII в.»⁵ В применении к «Слову» я неоднократно об этом уже

⁵ ТОДРЛ, М.; Л., 1960, т. 16, с. 84—104.

писал. Далекое прошлое — это как бы фон, на котором разворачиваются события настоящего и создается «историческая глубина», «историческая перспектива», параллельная глубокому «ландшафтному зрению». Эта «историческая перспектива» необходима, с одной стороны, для осознания исторической значительности происходящего при жизни автора, а с другой — для осознания современности как чего-то эстетически ценного, достойного прославления или порицания, увековечивания. Тем самым достигается своеобразная и очень важная в понимании художественных представлений эпохи «историческая монументальность». Князь существует не сам по себе со своими особенностями характера и своими политическими убеждениями — он прежде всего представитель своего рода, своего «племени», «гнезда», он ольгович или всеславич, мономашич, ярославич — он внук деда.

Князь и сам осознавал себя представителем своего рода и для того, чтобы иметь влияние в современной ему жизни, продолжал политику отцов и дедов. Именно это является тогдашним способом утверждения себя в политической жизни своего времени. Отказ от родовой политики был бы для того времени отказом от политической активности вообще. Князь не мог рассчитывать на признание себя только в качестве себя самого. Он был князем постольку, поскольку принадлежал к определенной линии князей, к определенному княжескому «гнезду» и следовал политике своего деда — родоначальника. Для внесения новых начал в политическую жизнь своего времени надо было быть особым происхождения: таким, например, каким был Владимир Мономах — внук (хотя бы и по матери) византийского императора. Автору «Слова» надо было дать обобщение ольговичей и всеславичей как двух групп князей-крамольников. Автор «Слова» прибег к изображению родоначальников тех князей, обобщенную характеристику которых он собирался давать. Вот почему в «Слове» заняла такое большое место судьба Олега «Гориславича», князя с «горькой» судьбой, — деда Игоря Святославича и Всеслава Полоцкого — деда жены Святослава Киевского Марии, родоначальника другой крупнейшей ветви русских князей. В русской междукняжеской политике боролись представители того или иного «гнезда», «племени» — всеславичи полоцкие с ярославичами, ольговичи с мономаховичами. Против этой вражды и было направлено «Слово» с его призывом объединения. Все совершенно понятно и, главное, — давно понятно, ибо в литературе о «Слове» об этом писалось неоднократно.

Чувство единения со всеми событиями настоящего и прошлого (не исключая и прошлого, не очень далекого — как это ясно из обращения к русским князьям), «ландшафтное зрение» позволяют понять многие детали описаний «Слова» и неоднократное упоминание в нем моря. Движение половцев с юга описывается как движение черных туч, идущих от моря. И эта широта географического и исторического зрения, ощущение одновременности различных эпох в истории и сопряжение далеко отстоящих друг

от друга географических точек художественно согласуются с общей лирической стихией «Слова». Так называемый и характерный для многих лирических произведений, и современных в том числе, «лирический беспорядок», который в «Слове» выражается в том, что автор постоянно обращается от современных событий к воспоминаниям о прошлом, не только знаменует собой лирическую смятенность чувств автора, как бы не владеющего ходом своих мыслей и поэтому вынужденного давать себе передышку в обращениях к прошлому, но свидетельствует о том, что поэтичность современности могла быть достигнута только путем ее сопоставлений с прошлым. А вместе с тем этот «лирический беспорядок» — одна из форм монументализма XII в. — «динамический монументализм».

Наши представления о монументальности связывают эту монументальность с неподвижностью или, по крайней мере, с малой подвижностью. Монументальность XI—XIII вв. требовала другого — силы, выраженной в быстроте, в способности героев преодолевать огромные пространства; за одну ночь, «до кур», т. е. до пения петухов, достигать далекой Тмуторокани, волком скакнуть от Новгорода до Немиги. Герои древнерусской литературы этого периода постоянно находятся в переездах, но в переездах не мирных, а с войском, с «силой великой» («идоша князь в силе великой», «в силе тяжцей»). Это характерно для летописей и для «Поучения» Владимира Мономаха, который, стремясь создать пример для остальных князей, говорит о своих переездах — походах и охотах. «Нестижды» (более ста раз) ездил он из Киева в Чернигов, гнался за Олегом Святославичем, глубоко вторгался в Половецкую степь, ходил до Чешского леса.

Ничего этого не заметил А. Никитин. Его вопросы и недоумения носят надуманный характер. Он не заметил, что художественная система «Слова» типична для своего времени. Нетипично «Слово» только в жанровом отношении, ибо XI—XIII века были периодом выработки в русской литературе новых жанров, и жанровая исключительность характерна не для одного «Слова». Целый ряд произведений этого времени единичен в жанровом отношении — «Моление Даниила Заточника», «Слово о погибели Русской Земли», повести о княжеских преступлениях и др.

Если бы А. Никитин вдумался в эту художественную систему древней Руси, большинство его «недоумений» отпало бы. Ведь перед нами в «Слове» прежде всего художественное, литературное произведение, и такое художественное произведение, которое создано в художественных же представлениях своего времени. Но... если бы А. Никитин принял во внимание все эти соображения литературоведов (напрасно он подчеркивает свою нелюбовь к ним и к филологам вообще), не было бы и «концепции» А. Никитина, а от этого ему трудно отказаться. Он во власти одной идеи и правдою и неправдою крайне тенденциозно подбирает нужный ему материал.

В начале третьей статьи А. Никитин походя делает еще одно удивительное предположение: «... может быть, Всеслав — князь не полоцкий, а половецкий...?» (7, 176) — и оставляет читателя в полном недоумении, мотивируя свое предположение так: «Но это, так сказать, к слову...». Но разве словами и ни на чем не основанными предположениями можно так бросаться, особенно, когда дело касается «Слова»? Ведь Всеслав Полоцкий занимает видное место в «Слове». Если его исключить из «Слова», то это значит исключить из «Слова» и те места, где появлялся Всеслав, — Немигу в Белоруссии, Новгород, Тмуторокань и многое другое. Это значит сузить горизонты «Слова», и все это просто так, «к слову». Вот, следовательно, истинная цена слову в очерках А. Никитина... А между тем литературный памятник — тоже памятник культуры, текст которого, повторяю, нуждается в охране, в бережном к себе отношении. Доверие к тексту не должно подрываться сомнениями и безосновательными предположениями; текст не должен размываться произвольными поправками и перестановками. Поправки могут вноситься только в крайних случаях.

А. Никитин утверждает, что скептики своими сомнениями укрепили убежденность ученых в подлинности «Слова». Это правда! Но также правда и то, что скептик, просто лишенный эстетического чутья и активно не понимающий неприкосновенную красоту «Слова», позволяет вновь и вновь оценить «Слово» в поразительной цельности его сложной и вместе с тем простой симфонической композиции с переходами из одного времени в другое, из одного пункта Русской земли к другому, от одного лирического настроения к другому.

Автор «Слова» — это всевидящий и всеслышащий, все охватывающий своим умственным взором творец, парящий мыслию по поднебесью, видящий Русскую землю от южного моря до северного, от Карпат до Волги и русскую историю от XI в. до 1185 г. и как добрый, щедрый волшебник наделяющий теми же качествами — необычайной быстротой, остротой зрения и слуха, ума, памяти и отвагой — своих героев: Святослава Киевского и Всеслава Полоцкого, Всеволода Буй Тура и Осмомысла Галицкого.

Безусловно, самое удачное в серии очерков А. Никитина — это их общее название — «Испытание „Словом“». Название, прямо скажем, смелое и приглашающее. Выдержал ли, однако, сам автор очерков это испытание? На мой взгляд — нет!

